СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VIII, № 4.

ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ ИЗУЧЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(В. О., 9 лин., № 12.)
1871.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Августъ 1871 года.
За Непремѣннаго Секретаря Академикъ *М. Броссе.*

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ VIII, № 3.

ЗАМѢЧАНІЯ
ОБЪ
ИЗУЧЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр. 9 лин., № 12.)
1871.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1871 года.
За Непремѣннаго Секретаря Академикъ *М. Броссе.*

ЗАМѢЧАНІЯ

ОБЪ

ИЗУЧЕНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

(АКАДЕМИКА И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.)

Сила укоренившихся въ человѣкѣ убѣжденій и предубѣжденій бываетъ нерѣдко такъ велика, что онъ, не смотря на все свое желаніе быть совершенно беспристрастнымъ въ приговорахъ, не можетъ этого достигать по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда считаетъ нужнымъ высказываться вполнѣ, безъ недомолвокъ. Признавая себя подчиненнымъ этой силѣ убѣжденій и предубѣжденій, не могу думать, что и въ нижеслѣдующемъ мнѣніи объ изученіи отечественнаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не выскажу ничего такого, что̀ можетъ его лишить цѣнности совершеннаго беспристрастія. Могу одно—быть нелицепріятнымъ.

Какъ изучается Русскій языкъ и словесность въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстно мнѣ довольно издавна — изъ испытаній въ разныхъ училищахъ, изъ пріемныхъ и повѣрочныхъ испытаній въ университетѣ, изъ программъ и ихъ объясненій, изъ самыхъ уроковъ и руководствъ, въ нихъ употребляемыхъ, изъ бесѣдъ съ гг. учителями и учениками.

Съ нѣкотораго времени въ этомъ дѣлѣ многое измѣнилось къ лучшему, многое хорошее поддерживается по прежнему. Измѣнились къ лучшему нѣкоторыя части курсовъ, нѣкоторые изъ пріемовъ ихъ изложенія и объясненія, какъ на пр. изложеніе и объясненіе нѣкоторыхъ фактовъ грамматики, объясненіе памятниковъ древней словесности, и др. Осталось по прежнему, если еще не увеличилось, усердіе большинства учителей въ передачѣ своимъ ученикамъ того, что они считаютъ нужнымъ, и во всяческомъ содѣйствіи ихъ успѣхамъ. На этой силѣ усердія наставниковъ, достойнаго общественнаго сочувствія и признательности, можно съ довѣріемъ основывать надежды на дальнѣйшіе успѣхи тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно будетъ поддержано внѣшнимъ вниманіемъ, старающимся оцѣнить всякое добро по его внутренней цѣнности. При всемъ этомъ однако труды учителей и учениковъ по Русскому языку и словесности все еще едва ли вездѣ и во всемъ достигаютъ цѣлей желанныхъ.

Сказать, что юношамъ, оканчивающимъ курсъ такъ называемаго гимназическаго ученья, по Русскому языку и словесности, вездѣ дается все, что имъ послѣ будетъ необходимо нужно, и не дается ничего не нужнаго, лишняго, по возрасту учениковъ бесполезнаго имъ и даже вреднаго, мнѣ кажется, нельзя. Мнѣ кажется, что въ слѣдствіе ли прямыхъ требованій программы и необходимости выполнить ее всю безъ опущенія и сокращенія, а равно и безъ прибавленій, или же въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, заставляющихъ понимать ее не вполнѣ такъ, какъ бы можно было желать для пользы учениковъ, или наконецъ по недостатку руководствъ и между прочимъ руководствъ для учителей — учениками не вездѣ усвоивается все нужное, и въ замѣнъ нужнаго принимается иногда и не нужное, въ замѣнъ полезнаго кое-что и бесполезное и вредное; а между тѣмъ времени и усилій расходуется и учителями и учениками очень много.

Отъ оканчивающихъ курсъ ученья во всякомъ среднемъ общеобразовательномъ учрежденіи по отечественному языку и словесности должно, я думаю, ожидать:

— какъ *необходимаго:*

1. умѣнья вникать въ смыслъ и послѣдовательность изложенія слушаемаго и читаемаго и толково передавать услышанное и прочитанное своею свободною рѣчью словесно и письменно — разумѣется, въ границахъ содержанія и объема, сообразныхъ съ возрастомъ первой юности;

2. умѣнья выражать свои знанія и мысли устно и на письмѣ правильно, отчетливо, послѣдовательно, на сколько это достижимо въ возрастѣ первой юности;

3. безупречнаго владѣнія правописаніемъ — не по навыку только, не потому, что такъ принято тѣми или другими корректорами, а сознательно, въ слѣдствіе требованій строя языка и строя мысли;

— какъ *важнаго* и *полезнаго*:

1. знанія грамматики и научныхъ объясненій по крайней мѣрѣ самыхъ важныхъ явленій отечественнаго языка;

2. знанія главныхъ данныхъ по всѣмъ родамъ и видамъ отечественной литературы, какъ важнаго дополненія къ другимъ полезнымъ свѣдѣніямъ объ отечествѣ;

3. знакомства съ нѣкоторыми наиболѣе важными произведеніями, доступными возрасту первой юности, и умѣнья читать (про себя и громко) ихъ и другія подобныя.

Необходимое должно быть усвоено такъ прочно, чтобы осталось на всю жизнь, и потому на испытаніи должно быть требуемо безусловно. Полезное должно быть изучено на столько, чтобы въ случаѣ нужды могло быть возобновлено въ памяти безъ особенныхъ усилій, и потому на испытаніи должно быть требуемо не со всѣми подробностями, вошедшими въ курсъ, съ опущеніемъ всего, что употребляемо было какъ случайное средство для достиженія цѣли. Знаніе бесполезнаго ни въ какомъ случаѣ не должно быть мѣриломъ успѣха.

Тамъ, гдѣ необходимое можетъ быть считаемо придаточнымъ, полезное принимаемо за лишнее, а бесполезное, лишнее возвышаемо на степень необходимаго, успѣха желаннаго ожидать невоз-

можно. Это и замѣчается кое-гдѣ на испытаніяхъ: неправильность отдѣленія и расположенія или несоразмѣрность частей небольшого письменнаго упражненія, неловкости въ употребленіи въ немъ обычныхъ словъ и выраженій, неумѣнье съ разу разсказать содержаніе только что прочитаннаго отрывка, ошибки противъ правописанія, разумѣется, не въ очень большомъ числѣ— могутъ не помѣшать на испытаніи дальнѣйшему ходу дѣла; сравнительно болѣе прочное знаніе грамматики и болѣе легкое пониманіе древнихъ и старинныхъ памятниковъ, даже и прочтеніе внѣ уроковъ нѣсколькихъ очень важныхъ, но въ программѣ неозначенныхъ, произведеній, или прочтеніе въ цѣлости такихъ, также безусловно важныхъ, произведеній, которыя на урокахъ были читаны въ отрывкахъ — могутъ и не помочь успѣху; незнаніе подробностей о разныхъ видахъ частей предложенія, о раздѣленіи нѣкоторыхъ частей рѣчи на разные, безъ нужды придуманные разряды, незнаніе подробностей содержанія какихъ нибудь сатиръ, комедій, сказокъ и т. п., съ именами и характерами лицъ и частностями разговора—можетъ все дѣло окончательно испортить.

Недостатокъ усвоенія необходимаго учениками нѣкоторыхъ заведеній выражается въ письменныхъ упражненіяхъ и устныхъ отвѣтахъ. Въ устныхъ отвѣтахъ, чѣмъ они независимѣе отъ выученнаго, тѣмъ болѣе неточныхъ выраженій и тѣмъ менѣе логической связности; въ письменныхъ упражненіяхъ, кромѣ этого, бываютъ ошибки противъ правильнаго написанія словъ и разумнаго употребленія знаковъ препинанія, не говоря уже объ отдѣленіи частей упражненія посредствомъ начинанія ихъ съ новой строки. Въ слѣдствіе недостаточнаго обращенія вниманія на необходимое не всякій юноша, перешедшій въ университетъ или въ другое высшее учебное заведеніе, можетъ не бояться за свои ошибки противъ правильности изложенія и написанія въ подаваемыхъ имъ прошеніяхъ, будучи не въ силахъ самъ ихъ исправить; начавъ слушать лекціи почти каждый долженъ цѣлый годъ, если не долѣе, бороться со своею неловкостью отличать въ изложеніи профессора то, что болѣе важно, и слѣдить за ходомъ из-

ложенія; начавъ читать ему нужныя книги, почти каждый долженъ своимъ личнымъ усиліемъ домочься до овладѣнія легкостью правильнаго вникапія въ послѣдовательность мыслей писателя. Неусвоеніе необходимаго въ свое время должно мучить еще болѣе того, кто по случайностямъ жизни принужденъ былъ въ среднемъ учебномъ учрежденіи покончить все свое образованіе, если только самоувѣренность не помѣшаетъ ему дойдти до сознанія своей слабости и не доведетъ его до признанія требованій правилъ правописанія и разумнаго изложенія—беззаконными придирками. Вреда отъ неусвоенія необходимаго въ свое время, конечно, не отвергнутъ тѣ изъ бывшихъ воспитанниковъ, которые занялись опытными науками, техническими работами и т. д., недающими имъ досуга заниматься словесностью: они достигаютъ помощію своихъ занятій ловкости въ распредѣленіи своихъ соображеній и въ пониманіи послѣдовательности мыслей другого въ своемъ частномъ кругѣ; а правильность употребленія языка на письмѣ и другихъ условій письменной рѣчи обыкновенно предоставляютъ «словесникамъ» или же тѣмъ, которые берутъ на себя отвѣтственность за годность изложенія и написанія писаннаго. Да и этимъ не всѣмъ безъ исключенія удается брать на себя трудъ посильный, потому что и они заняты не тѣмъ, чѣмъ должны были заниматься въ училищѣ.

Недостатокъ усвоенія учениками необходимаго не зависитъ впрочемъ отъ недостаточной заботливости учителей языка и словесности: это свидѣтельствуютъ между прочимъ значительныя затраты ими времени на поправку письменныхъ упражненій учениковъ дома, увеличивающую болѣе чѣмъ въ двое число часовъ, которые проводятъ они на урокахъ въ училищѣ. Скорѣе можно сомнѣваться въ значеніи пользы, приносимой этими домашними работами учителей: онѣ остаются, мнѣ кажется, на половину, если не болѣе бесполезными для учениковъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ совѣстливыхъ и тѣхъ, которыхъ внимательность къ замѣчаніямъ учителей поддерживается кѣмъ нибудь дома. Не слѣдовало ли бы желать, чтобы эти домашнія исправленія тетрадокъ,

посредствомъ которыхъ ученикъ можетъ узнать, если бы и захотѣлъ, только свои собственныя ошибки, были хоть отъ части замѣнены какими нибудь другими, для всѣхъ учениковъ болѣе видными и болѣе обязательно обращающими на себя ихъ вниманіе? Кромѣ того слѣдовало бы, можетъ быть желать, чтобы письменныя упражненія были вездѣ и по другимъ предметамъ, не исключая и классовъ языковъ, т. е. письменныя упражненія въ переводахъ на Русскій языкъ. Слѣдовало бы при этомъ, какъ мнѣ кажется, подумать и объ общихъ пріемахъ послѣдовательнаго веденія упражненій: гг. учители той или другой гимназіи или другого подобнаго учрежденія могли бы въ отношеніи къ нимъ согласиться между собою и сообща повести учениковъ однимъ избраннымъ путемъ упражненій. Это было бы тѣмъ умѣстнѣе, что придумать общія, для всѣхъ учителей всѣхъ училищь обязательныя правила порядка въ веденіи упражненій едва ли возможно и полезно: чѣмъ гдѣ болѣе нужно участіе ума и благодушіе исполнителей, тѣмъ тамъ болѣе важна для успѣха дѣла ихъ добрая воля, а слѣдовательно неизбѣжна и своеобразность исполненія. Полезны могутъ быть развѣ отрицательныя правила, чего и какъ не должно дѣлать, и потомъ разнообразныя указанія всего полезнаго для выбора. Наконецъ слѣдовало бы подумать и о томъ, что время и силы учениковъ должны быть преимущественно употребляемы на необходимое.

Что то и другое, время и силы, тратилось и тратится между прочимъ и напрасно, это ясно изъ того, что ученики нѣкоторыхъ училищь (когда-то и всѣхъ безъ исключенія) бывали и бываютъ обильно заняты бесполезнымъ. Такъ на урокахъ грамматики въ младшихъ классахъ недавно еще убивалось очень много времени на схоластическія тонкости такъ называемаго логическаго разбора, на затверживанье, какія мѣста могутъ быть занимаемы въ предложеніи какими частями рѣчи, какъ въ этомъ отношеніи подраздѣляются на разряды части рѣчи и слова опредѣлительныя, дополнительныя и т. п., на выучиванье ихъ опредѣленій и свойствъ, свободно придуманныхъ и для узнанія строя языка ровно ничего

незначащихъ. Эта манія, сколько мнѣ извѣстно, и теперь еще не только не искоренена, но кое-кѣмъ и защищается какъ что-то полезное. Нельзя этому не удивляться: ни одинъ разумный врачь на вѣрно не одобритъ этихъ пытокъ ума и памяти дѣтей; ни одинъ образованный человѣкъ, который въ дѣтствѣ пережилъ эти пытки, навѣрно не найдетъ въ себѣ никакихъ добрыхъ слѣдовъ ихъ и никакихъ преимуществъ передъ тѣми, которые имъ не подвергались. Не лишне будетъ замѣтить, что эти упражненія будто бы надъ строемъ языка вышли изъ такой школы людей науки, которая, несмотря на свою изрядную давность, осталась совершенно непричастною успѣхамъ языкознанія и филологіи, а развѣ затормозила ихъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ образованія; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ эта школа стала дѣйствовать, научная разработка синтаксиса, обращавшаго на себя ея исключительное вниманіе, пріостановилась.

Грамматикой языка въ собственномъ смыслѣ этого слова ученики заняты сравнительно мало. Тѣмъ болѣе достойны признательности умѣнье и усердіе гг. учителей: въ небольшое число уроковъ они успѣваютъ передать ученикамъ нѣсколько свѣдѣній, вѣрныхъ и полезныхъ, о строѣ не только современнаго языка, но частію и древняго. Прочнѣе бы, конечно, легли эти свѣдѣнія въ памяти учениковъ, если бы было употребляемо болѣе времени на ихъ утвержденіе посредствомъ разныхъ переспросовъ и упражненій; но и въ томъ состояніи, какъ есть, эта часть изученія языка и словесности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, можетъ служить хорошимъ мѣриломъ возможности успѣховъ учениковъ въ другихъ частяхъ подъ условіемъ неупотребленія времени и силъ на бесполезное. Позволяю себѣ замѣтить при этомъ, что всего поверхностнѣе излагаются и всего слабѣе остаются въ умѣ и памяти учениковъ главы объ образованіи словъ, о спряженіи и о правописаніи. Недостаточность знаній учениковъ нѣкоторыхъ училищъ въ этомъ отношеніи такова, что если бы тѣ же ученики такъ же мало знали объ образованіи словъ, о спряженіи глаголовъ и о правописаніи по Греческому

языку, то они бы не только не могли быть поставлены въ рядъ домогающихся аттестата, но не были бы допущены и въ старшее отдѣленіе училища. Недостаточность знаній учениковъ въ означенныхъ главахъ грамматики зависитъ, конечно, болѣе всего отъ учебниковъ; но и недостаточность учебниковъ должна такъ же зависѣть отъ чего нибудь. Были бы учебники всѣ безъ исключенія лучше, если бы не такъ легко одобряемы были и даже одобряемы иногда болѣе другихъ недостойные одобренія, если бы они оцѣнивались прежде всего съ научной стороны, если бы вниманіе ихъ цѣнителей обращаемо было болѣе на относительную полноту и правильность объясненій трудностей и особенностей языка, чѣмъ на безотносительную легкость и занимательность ихъ содержанія, если бы, говоря иначе, отъ нихъ требовалась такая же положительность содержанія, какъ отъ учебниковъ языка Французскаго во Франціи, Нѣмецкаго въ Германіи и т. д. Тѣ учители, которые по своимъ знаніямъ стоятъ гораздо выше такихъ учебниковъ, безъ сомнѣнія, умѣютъ сдѣлать ихъ для учениковъ безвредными; но они должны брать это на свою совѣсть, которая и въ нихъ можетъ быть иногда задавливаема какою нибудь силой надъ ними тяготѣющей. Такова на пр. сила корректоровъ, которая знать не хочетъ ни о какой наукѣ, ни о какихъ доказательствахъ, ни о чемъ, кромѣ своего навыка и произвола, и своимъ упорствомъ побѣждаетъ и убѣжденія писателей, и настойчивость ученыхъ—не только по одиночкѣ взятыхъ, но и въ цѣлыхъ конклавахъ *). Гдѣ съ такою силою бороться учителю,

*) Нелишнимъ считаю указать нѣсколько примѣровъ вліянія корректоровъ. Нѣкоторые корректоры, вѣроятно, никогда не имѣя нужды вникать въ разницу значенія словъ adverbium и adverbialiter и т. п., поставили себѣ правиломъ всѣ выраженія, употребляемыя въ значеніи нарѣчій, союзовъ, предлоговъ, писать слитно какъ одно слово (впослѣдствіи, безсомнѣнія, поутру, и пр.),—и теперь учители должны стараться объяснить ученикамъ и ученики должны стараться понять всѣ эти открытія корректоровъ, какъ достояніе правильнаго правописанія. Нашли корректоры, что при переносѣ съ одной строки въ другую надо оставлять одну изъ согласныхъ, слѣдующихъ за гласною, при ней какъ часть слога ею образуемаго, а слѣдующія присоединять къ слѣдующему слогу, и болѣе ни о чемъ не думаютъ (воп-реки, сом-нительный, рож-деніе и пр.); — прочли гдѣ то лекарь, леченіе и пр. съ *е* простымъ, и, ужь незагляды-

когда ею былъ пораженъ и Востоковъ. При всемъ этомъ ученики младшихъ классовъ, на сколько можно при такихъ условіяхъ, успѣваютъ,—и переходя въ старшіе классы могли бы успѣвать значительно болѣе, если бы грамматическіе уроки были въ нихъ тщательно продолжаемы. Нѣкоторые учители, и именно тѣ, которые всѣми одинаково уважаются какъ лучшіе, этого и домогаются, передавая своимъ ученикамъ старшихъ классовъ свѣдѣнія о языкѣ столько же вѣрныя, научно-доказанныя, сколько и важныя для отчетливаго владѣнія языкомъ, и доводя учениковъ до умѣнья разумно ими пользоваться. Если бы такъ же дѣлали всѣ учители безъ исключенія, если бы при томъ ничто имъ не мѣшало, то многое нежеланное само собою выпало бы изъ содержанія курсовъ Русскаго языка и словесности. Инымъ на пр. мѣшаетъ словесность.

Ученики старшихъ классовъ всего болѣе заняты словесностью — особенно изученіемъ подробностей содержанія нѣкоторыхъ произведеній нѣкоторыхъ писателей. Количество знаній, ими въ этомъ кругѣ пріобрѣтаемыхъ, изумительно. На каждомъ изъ испытаній мнѣ удавалось слышать отъ учениковъ такія свѣдѣнія, которыми самъ я никогда не владѣлъ какъ собственностью памяти, и которыхъ требовать отъ студента университета никогда не считалъ себя въ правѣ. Требуются подробности содержанія многихъ Русскихъ произведеній съ именами лицъ, съ ихъ характерами, съ отрывками изъ ихъ разговоровъ или монологовъ и пр. Заданъ ли на пр. вопросъ о письмахъ Русскаго путешественника, отъ ученика требуется полное содержаніе каждаго письма и пол-

---

вая въ словарь, опредѣлили, что такъ надо писать, а не лѣкарь, лѣченіе и пр. какъ бы слѣдовало; — придумали, что существительныхъ мягкаго окончанія мужескаго рода *ж, ч, ш, щ* нѣтъ, а есть только женскаго рода, и дѣло рѣшено: учители и ученики должны слушаться и даже понимать и объяснять, почему все это должно быть такъ, а не иначе. Они-же пишутъ: «хлопочатъ, мучіютъ» и пр., учители и ученики и это должны объяснять грамматикой. Корректоры допускаютъ повтореніе *бы* въ одномъ и томъ же предложеніи (на пр. если *бы* зимою море у насъ не замерзало *бы*, то *бы* корабли приходили *бы* къ намъ круглый годъ),—и учители должны пріискивать средства объяснять ученикамъ и эту небрежность, какъ особенность языка.

наго пересказа разговора Карамзина съ лицами, въ немъ приведеннаго; заданъ ли вопросъ о Горѣ отъ ума, ученикъ долженъ пересказать разговоры лицъ по сценамъ; заданъ ли вопросъ о Капитанской дочкѣ, ученикъ расказываетъ всѣ повѣсть подробно. На всѣ такіе вопросы ученикъ отвѣчаетъ такъ же, какъ на вопросы изъ исторіи или географіи когда даетъ отчетъ въ полезныхъ знаніяхъ, отвѣчаетъ не заботясь о складности рѣчи, а только о знаніи требуемаго. Не могу при этомъ не замѣтить, что однѣ и тѣ же свѣдѣнія высказывались учениками разныхъ учрежденій: очевидно, что требованіе ихъ отъ учениковъ зависитъ не отъ личнаго настоянія кого нибудь изъ учителей, а отъ чего нибудь другого. Въ отношеніи къ знакомству учениковъ съ разнородными произведеніями писателей мнѣ пришлось замѣтить, что нѣкоторые ученики знакомы съ Исторіей Карамзина несравненно менѣе чѣмъ съ его Письмами путешественника, съ Ломоносовымъ и Державинымъ менѣе чѣмъ съ Кантемиромъ и Фонвизиномъ, съ прозаическими сочиненіями важнаго содержанія гораздо менѣе чѣмъ съ легкой словесностью, съ произведеніями поэтическими въ тѣсномъ смыслѣ менѣе чѣмъ съ сатирическими. Извѣстны ученикамъ подробности содержанія и нѣкоторыхъ древнихъ и старинныхъ произведеній; но и тутъ того же рода неровности: лѣтописи и путешествія извѣстны гораздо менѣе, чѣмъ былины, пѣсни каликъ и сказки. Объ историкахъ до Карамзина, о путешественникахъ кромѣ Даніила паломника и Никитина, о запискахъ современниковъ кромѣ исторіи Курбскаго, сколько я могъ узнать, неизвѣстно ничего. На испытаніяхъ, какъ мнѣ показалось, выражалась требовательность, чтобы ученики твердо знали всѣ или почти всѣ подробности, какія только могли войдти въ уроки.

Съ пользою ли употребляется время на затверживанье большей части подробностей? Отвѣчать на этотъ вопросъ не отрицательно можно только подъ условіемъ признанія, что изученіе именно этихъ подробностей, предпочтительно передъ всѣми другими, увеличиваетъ въ юношѣ запасъ полезныхъ знаній и помогаетъ его умственному развитію, и что незнаніе ихъ, именно

этихъ, а не другихъ подробностей, надобно въ немъ считать дѣйствительнымъ недостаткомъ. Но такъ высоко цѣнить подробности, изучаемыя учениками, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, нѣтъ никакой причины. Полное незнаніе многихъ не ослабитъ общей образованности юноши, какъ и полное ихъ знаніе не усилитъ, и развѣ только неопытному покажется признакомъ образованности. Записки Курбскаго, сатиры Кантемира, Недоросля Фонвизина, Ревизора Гоголя, его же Мертвыя души, и т. п. прочесть положимъ и можно (если только въ самомъ дѣлѣ на урокахъ это умѣстно); но стоитъ ли приневоливать память, чтобъ не забыть, что и какъ хвалилъ или бранилъ Курбскій, какъ названы тѣ или другія лица, выставленныя Кантемиромъ, и что это за лица, и что они говорятъ, и какъ звали Недоросля, его матушку, его учителей, и что со всѣми ими происходило и многое другое тому подобное? *) По крайней мѣрѣ облегченіе ученика отъ такихъ подробностей на испытаніяхъ будетъ полезно тѣмъ, что его память избавится отъ несенья лишней ноши въ то время, когда и безъ нихъ приходится ей нести грузъ очень не легкій. Держать же въ памяти подробности нѣсколькихъ десятковъ произведеній и имъ подобныя безъ повторенія едва ли кому возможно, кромѣ особенныхъ счастливцевъ; да и счастливцы не захотятъ надѣяться на свою память, когда будутъ увѣрены, что отъ требуемыхъ знаній зависитъ успѣхъ екзамена. Даже въ виду пользы знанія этихъ подробностей для образованности юноши не надобно бы требовать ихъ отъ него на екзаменѣ, чтобъ не лишить ихъ для него занимательности свободнаго знанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли можно оправдать чѣмъ нибудь необходимость знанія именъ лицъ, выставленныхъ въ сатирахъ Кантемира, Митрофана со всѣмъ его ореоломъ, Чичикова и весь широкій кругъ его поименно, и т. д. и т. д. и

*) По моему крайнему разумѣнью, сатиры Кантемира читать, если и можно, то ужъ никакъ не какъ образцы стариннаго сатирическаго изображенія Русскихъ нравовъ: Русскаго, кромѣ развѣ языка, и то, какъ всякому извѣстно, дурного, въ нихъ столько же, сколько въ любой Французской сатирѣ XVII-XVIII в.

въ то же время возможность полнаго незнанія, ни по имени, Татищева, Голикова, Миллера, Лепехина, Новикова, Мусина-Пушкина, Сперанскаго, Евгенія, Екатерины, какъ писательницы, графа Румянцова, какъ покровителя науки и т. д., и т. д.

Къ стати замѣтить, что по программѣ, утвержденной для гимназій С.-Петербургскаго округа, *знанія* вышеозначенныхъ подробностей вовсе не требуется: отъ учениковъ V и VI классовъ требуется *знаніе* главныхъ отличій и существенныхъ свойствъ родовъ произведеній и не знаніе, а только *умѣнье* излагать словесно и письменно содержаніе читанныхъ статей; а отъ учениковъ VII класса, слѣдовательно на окончательномъ екзаменѣ, требуется «на разборѣ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, читанныхъ прежде, доказать основательное знаніе ѳеоріи словесности». Очевидно, кажется, что припоминаніе содержанія произведеній важно ученику въ одномъ случаѣ только какъ средство показать свой навыкъ излагать и всматриваться въ составъ литературныхъ произведеній, а во второмъ случаѣ — какъ средство высказать на образцахъ свое пониманіе отличительныхъ свойствъ родовъ литературныхъ произведеній. Ученикъ можетъ помнить очень подробно содержаніе всего читаннаго, и не умѣть ни изложить состава ни одного произведенія, ни воспользоваться читанными образцами для объясненія теоріи словесности; можетъ научиться правильно и свободно излагать содержаніе сочиненій и пользоваться такъ же правильно и свободно всѣмъ читаннымъ для объясненія своихъ теоретическихъ знаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ не помнить подробностей содержанія. Въ какомъ изъ этихъ двухъ случаевъ онъ достигъ желанной цѣли, рѣшить не трудно. Одинъ изъ преподавателей какъ то мнѣ и замѣтилъ, что онъ и радъ бы не требовать подробностей содержанія, да опасается, что отъ его учениковъ могутъ ихъ потребовать. Другой сказалъ яснѣе: «Многіе ученики выучиваютъ отлично свой историческій учебникъ, по требованію своего историческаго учителя; мое дѣло не это, а другое: я стараюсь добиться отъ нихъ свободнаго и правильнаго изложенія состава и расположенія этой книги какъ историческаго сочиненія.

Того же я домогаюсь отъ учениковъ и по прочтеніи каждаго произведенія: пониманія расположенія и связи его частей».

Имѣя въ виду только обязательное затверживанье учениками подробностей о нѣкоторыхъ произведеніяхъ, мы будемъ видѣть едва ли не меньшее изъ золъ, происходящихъ отъ употребленія на нихъ времени—трату денегъ на сласти и обремененіе ими желудка тогда, какъ средства достаточны только для хлѣба насущнаго, необходимаго для поддержанія жизни. Важнѣе нравственное вліяніе.

Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, изучаемыхъ учениками, въ числѣ образцовыхъ, какъ на пр. въ сатирахъ Кантемира, въ Недорослѣ Фонвизина въ Ревизорѣ Гоголя и др., люди представлены какими то уродами, въ которыхъ все, что человѣкъ съ дѣтства чутьемъ природнымъ цѣнитъ какъ человѣческое, или вовсе не существуетъ, или извращено до нелѣпости. Въ тѣ годы, когда природныя наклонности къ истинному, доброму, прекрасному требуютъ себѣ пищи, когда всѣ средства воспитанія и ученія должны помогать этому требованію, въ чемъ собственно и состоитъ воспитаніе, въ это время давать отроку и юношѣ, вмѣсто желанной имъ пищи, то, что должно ему казаться отвратительнымъ, охорашивать передъ нимъ это отвратительное, искуственно притуплять его голодъ, пріучать его къ питанію себя непитательнымъ, доводить до того, что онъ и самъ наконецъ, какъ куритель опіума, будетъ желать только опіума—ужели это не зло? Зло тѣмъ большее, что юноша, вскармливаемый этою пищей, еще не дозналъ опытомъ, что только въ воображеніи могутъ существовать такіе уроды, какими люди выставляются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ по особеннымъ намѣреніямъ или прихотямъ писателей, что въ жизни дѣйствительной нѣтъ человѣка урода, вовсе лишеннаго того, что заставляетъ уважать его какъ человѣка, лишь бы умѣть его найти въ немъ. Зло тѣмъ большее, что эта коллекція уродовъ, созданныхъ воображеніемъ, ложится въ воображеніи юноши какъ коллекція типовъ разныхъ слоевъ и средъ народа, гдѣ ему придется жить, жить-бѣдовать, настраиваетъ юношу на состраданіе къ самому

себѣ, совершенно противоположное его природной наклонности сострадать другому, сострадать, а не презирать его, не насмѣхаться надъ нимъ. Зло можетъ быть, конечно, и очень не велико, если ученикъ нравственно живетъ въ другомъ мірѣ, смотритъ на училищное изученіе такихъ произведеній въ ряду избранныхъ, образцовыхъ, какъ на печальную необходимость, и страдательно исполняетъ то, чего отъ него требуютъ; но развѣ не зло и это отношеніе ученика къ тому, что онъ изучаетъ? Можно возразить, что всего этого негоднаго для нравственнаго и вмѣстѣ вѣрнаго пониманія людей дается въ училищѣ сравнительно немного, около четвертой доли всего, что дается о произведеніяхъ Русскихъ, можетъ быть и того менѣе, и слѣдовательно большого зла произойти не можетъ; но развѣ это зло нужно хоть въ какой нибудь мѣрѣ? развѣ мѣру нравственнаго зла всегда можно опредѣлить его внѣшней величиною?

Нѣкоторые учители (можетъ быть даже и многіе, но не всѣ) понимая и чувствуя это, стараются устранять все, что считаютъ непригоднымъ для учениковъ въ сатирахъ, комедіяхъ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ, читаютъ изъ нихъ только то, что необходимо, чтобъ познакомить ихъ со свойствами этихъ родовъ, отмѣчая каррикатурное какъ каррикатурное; но этотъ способъ изложенія находитъ себѣ порицателей даже и въ тѣхъ людяхъ, которые бы должны были понимать значеніе словесности въ воспитаніи. Каррикатурное, осмѣивающее, обличающее кажется нѣкоторымъ педагогамъ нужнымъ, полезнымъ, важнымъ въ воспитаніи, какъ пособіе научить отроковъ и юношей глядѣть на жизнь такъ, какъ она есть. На всемъ этомъ по ихъ мнѣнію, надобно останавливаться болѣе чѣмъ на чемъ другомъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ въ курсъ словесности кое гдѣ допускается при чтеніи произведеній словесности ихъ художественная критика. Ученики разбираютъ произведенія словесности не только для узнанія ихъ внѣшняго строя, ихъ частей отдѣльно и во взаимной связи, что безъ сомнѣнія важно, но и для опредѣленія ихъ достоинствъ и недостатковъ—не юношескимъ чувствомъ, выражаю-

щимся простодушно словами «нравится» или «не нравится», а на основаніяхъ будто бы научныхъ, можетъ быть и дѣйствительно научныхъ для учителя, но не для ученика. Казалось бы, что въ отношеніи къ словесности среднее общеобразовательное училище не можетъ имѣть цѣли выше, чѣмъ училище рисованья или музыки въ своемъ кругѣ, что какъ въ училищѣ рисованья или музыки неумѣстна художественная критика произведеній живописи или музыки, такъ и въ общеобразовательномъ училищѣ неумѣстна художественная критика произведеній словесности. Художественная критика предполагаетъ въ томъ, кто ею занимается, полное обладаніе предметомъ, ей подсуднымъ, и полное обладаніе собою, своими умственными и нравственными силами при пособіи всѣхъ нужныхъ знаній, часто очень разнообразныхъ. Ничего этого не можетъ быть у воспитанника средняго училища, какъ и у воспитанника рисовальной или музыкальной школы. Вмѣсто всего этого у него можетъ быть только искуственно вызванная рѣшимость. И вотъ съ этою то рѣшимостью ученикъ, еще не привыкшій правильно соображать и выражать своихъ знаній и представленій, про себя чующій, какъ онъ слабъ въ этомъ, отвлекается отъ занятій ученическихъ, для него необходимыхъ, и, будто бы ознакомляясь съ высшей теоріей, хотя она останется ему невѣдомымъ міромъ и при выходѣ его изъ училища, учится критиковать, опредѣлять общій смыслъ художественнаго произведенія, главную мысль художника въ созданіи, степень достоинства ея осуществленія, степень вѣрности характеровъ, значеніе художественнаго произведенія въ ряду другихъ и въ жизни, вѣрность ея изображенія въ немъ и т. п.; учится опредѣлять все то, чего онъ ни въ жизни ни въ художествѣ еще не знаетъ, въ то время, когда ему надобно просто учиться. Что это за работа? Что она, если не насиліе природы? Не ведетъ ли она къ тому, что силы, которыя должны были при другихъ, болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ окрѣпнуть, могутъ ослабнуть окончательно, надорваться, превратиться въ неспособность любить созданія художества и простодушно наслаждаться ими, жить подъ ихъ благо-

творною властію, безъ чего человѣкъ не можетъ быть ни истинно просвѣщеннымъ, ни истинно хорошимъ человѣкомъ? Не ведетъ ли эта преждевременная работа къ самоувѣренному самодовольству, горделивому, назойливому, слѣпому для всякаго внѣшняго свѣта? Конечно, всѣ критическія работы производятся учениками на помочахъ учителя, часто и не могутъ назваться работами, не выходя изъ границы повторенія не только мыслей, но и словъ учителя; но это не уменьшаетъ зла, а иногда и увеличиваетъ, укореняя въ юношѣ привычку думать чужою головою, говорить чужимъ языкомъ, и за это чужое стоять какъ за свое, забивая въ себѣ самодѣятельность ума и чувства. Годы ученичества — годы ученья, разумнаго, отчетливаго, но все таки ученья, узнаванья того, что стоитъ въ наукѣ какъ вѣрное и ему по возрасту и другимъ его знаніямъ совершенно доступно, для памяти не обременительно, для ума понятно, для дальнѣйшаго образованія или для жизни нужно. Эти годы должны быть и годами первыхъ наслажденій прекраснымъ въ созданіяхъ художества какъ и въ дѣйствіяхъ людей, годами развитія художественнаго чутья, а не анализа того, что наука опредѣляетъ какъ прекрасное. Можно развить въ себѣ это чутье перерисовкой образцовъ живописи, чтеніемъ и повтореніемъ произведеній музыки, чтеніемъ, повтореніемъ и выучиваньемъ произведеній словесности. Свободно развившись, это чутье прекраснаго доведетъ и до размышленій о прекрасномъ, и до выводовъ объ условіяхъ достоинствъ произведеній художества, и до оцѣнки ихъ, сравнительной, а потомъ и одиночной, но не въ годы ученичества и не при помощи однихъ ученическихъ знаній.

Говорю это тѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе, что не только отъ образованныхъ отцовъ семейства, но и отъ нѣкоторыхъ наставниковъ, даже отъ учениковъ тѣхъ училищь, гдѣ высшая литературная теорія и критика господствовала въ урокахъ словесности, слышалъ тѣ же или почти тѣ же мысли.

Не могу думать, что изученіе подробностей содержанія разныхъ произведеній, изученіе сатиръ и каррикатуръ и работы по художественной критикѣ поддерживаются въ училищахъ по чье-

му бы то ни было обдуманному настоянію и по признанію дѣйствительной пользы того и другого гг. учителями. То и другое осталось, какъ павшіе листья, отъ прежняго времени, отъ тѣхъ лѣтъ, когда въ слѣдствіе признанія невѣрности старыхъ взглядовъ на словесность, явились другіе взгляды на теорію и исторію словесности, на ихъ изложеніе и на призваніе писателей, зашли въ университеты, въ повременныя изданія, въ довольно широкій кругъ общества, унизили старое ученье словесности такъ, что съ нимъ и въ училищахъ нельзя было показаться, унизивъ старое не создали для училищь ничего новаго и заставили училища пробавляться кое чѣмъ, въ незнаніи, чѣмъ именно ограничиться, что отбросить, на чемъ настаивать. Остается это въ такой же степени безсознательно, какъ и схоластика логическаго разбора, замѣнившая когда то, почти въ тоже время, съ начала къ общему удовольствію, а позже на горе учениковъ, всѣмъ наскучившую и все еще стойко себя поддерживающую схоластику грамматическаго разбора. Перешедши отъ одной крайности къ другой, остаются при ней, обыкновенно не думая о ней какъ о крайности, не видя въ ней худого только потому, что, находясь при ней, нельзя видѣть ее издалека. Пора однако или отойдя отъ этой крайности или не подходя къ ней посмотрѣть на нее изъ дали; пора узнать, что она нигдѣ не выростила никакого добраго плода ни въ наукѣ ни въ словесности.

Русскому юношѣ, безъ сомнѣнія, полезно запастись свѣдѣніями по Русской литературѣ, какъ объ одной изъ важныхъ сторонъ Русской образованности и образовательной дѣятельности; но именно свѣдѣніями, какъ и по Русской исторіи, этнографіи, географіи, свѣдѣніями изъ широкаго круга въ отношеніи къ содержанію, разумѣется, сообразно съ другими знаніями и съ разумѣньемъ въ дополненіе къ другимъ его свѣдѣніямъ объ отечествѣ. Въ выборѣ этихъ свѣдѣній лучше всего, кажется сообразоваться съ относительной ихъ надобностью и трудностію пріобрѣсти ихъ помимо ученья: что легко можно узнать и безъ уроковъ, на то

не для чего ихъ тратить; что знать надобно и вмѣстѣ не легко узнать безъ уроковъ, тому надо дать мѣсто въ курсѣ.

Полезно научиться и различать роды и виды произведеній литературы, но не одной изящной словесности и не по законамъ какой нибудь высшей теоріи, а наглядно, по внѣшнимъ признакамъ: высшая теорія производитъ въ ученикахъ то, что они умѣютъ отвѣчать по ней только своему учителю и то еще иногда такъ, что и онъ не пойметъ; ограниченіе изящной словесностью приводитъ къ тому, что ученикъ, зная что такое ода, елегія, сонетъ, баллада, романсъ, романъ, повѣсть и т. д. остается въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что такое руководство, ученое сочиненіе, записки современника, записки ученаго общества, изслѣдованіе, критика, памятникъ письменности, грамота и т. д.

Полезно перечесть и не одинъ разъ нѣкоторыя изъ произведеній Русскихъ и не Русскихъ писателей какъ образцы языка и какъ образцы работъ ума, вооруженнаго знаніями, и художественнаго вкуса, воодушевленнаго мыслію и чувствомъ, затвердить такіе отрывки изъ нихъ, которые могутъ быть дороги уму и нравственному чувству отрока и юноши, а не той или другой теоріи и не той или другой модѣ лѣтъ его ученичества, и которые во всякое время пріятно было бы ему вспомнить не для потѣхи, а для душевнаго наслажденія.

Только на такихъ условіяхъ можно остаться, мнѣ кажется, хоть при нѣкоторой увѣренности, что время, употребленное на изученіе Русской литературы, не будетъ утрачено безъ пользы.

Свожу къ итогамъ. Я полагаю, что для болѣе вѣрнаго достиженія цѣлей желанныхъ посредствомъ такъ называемаго гимназическаго изученія Русскаго языка и словесности нужно слѣдующее:

1. Работы по чтенію и писанію, по всѣмъ устнымъ и письменнымъ упражненіямъ должны быть значительно усилены и приведены въ строгій порядокъ—съ тѣмъ, чтобы необходимое достигалось вполнѣ и непремѣнно.

2. Изученіе грамматики должно быть ограничено существенно важнымъ для разумѣнія строя языка и для правильнаго, сознательнаго его употребленія, слѣдовательно безъ всякихъ схоластическихъ мелочей, къ цѣли неведущихъ.

3. Изученіе литературы должно быть нѣсколько расширено въ объемѣ и сокращено въ содержаніи, будучи сжато въ границахъ существенно важнаго и дающаго возможность узнать по внѣшнимъ признакамъ разные роды и виды литературныхъ произведеній; критика должна быть узнана какъ особенный родъ произведеній, а какъ часть занятій учениковъ совершенно опущена.

4. Чтеніе писателей должно быть расширено, охвативъ болѣе широкій кругъ, и вмѣстѣ освобождено отъ всякой сатиры, каррикатуры и тому подобныхъ не отроческихъ и не юношескихъ забавъ.

Если при этомъ половина всего времени, отдѣленнаго для изученія Русскаго языка и словесности, будетъ посвящаема на упражненія и столько же времени на такія же упражненія учениковъ займутъ другіе учители, если другая половина времени раздѣлится на три доли для грамматики, литературы и чтеній писателей; то при прежнемъ усердіи гг. учителей, мнѣ кажется, желанная цѣль можетъ быть достигаема.

Позволяю себѣ закончить свое заявленіе двумя скромными пожеланіями:

Одно изъ нихъ—чтобы окончательныя испытанія были облегчены отъ требованія тѣхъ подробностей, которыя, какъ ни умѣстны на урокахъ, не облегчая прочнаго владѣнія всѣмъ важнымъ и не увеличивая запаса важныхъ свѣдѣній, выучиваются ко дню испытанія только для того, чтобы его выдержать успѣшно, и слѣдовательно только безцѣльно насилуютъ память; чтобы при этомъ посторонніе юноши вездѣ одинаково испытывались не слабѣе, а благодушнѣе, чѣмъ свои ученики, такъ какъ они не могли привыкнуть къ особенностямъ языка учителя, къ его формамъ во-

просовъ и вообще къ пріемамъ, требованіямъ и ожиданіямъ учителя, которому имъ случайно пришлось отвѣчать.

Другое—чтобы найдена была возможность снабдить учащихся такими руководствами, въ которыхъ бы они могли найдти все нужное для изученія, и чтобы еще до этого составлена была и утверждена программа не краткая, какъ доселѣ бывало, а самая подробная, изъ которой бы ясно было видно, что̀ именно и въ какой мѣрѣ необходимо для удачнаго выполненія требованій окончательнаго испытанія.

До тѣхъ поръ пока не найдена будетъ возможность сдѣлать въ помощь испытывающимся то, что обозначено въ этихъ двухъ пожеланіяхъ, едва ли можно оставаться при увѣренности, что испытанія никого напрасно не возвысятъ и не унизятъ, что хорошіе ученики одного училища удовлетворятъ испытателей и всякаго другого, и что юноши, поступающіе въ высшее учрежденіе, въ такой же степени удовлетворятъ и въ немъ испытательную комиссію, въ какой удовлетворили ту или другую предварительную.

Прибавлю и еще пожеланіе. Для прочныхъ успѣховъ всякаго ученья необходима помощь хорошихъ пособій для учениковъ и учителей. Не говоря о хорошемъ ручномъ словарѣ Русскаго языка, о хорошихъ книгахъ по теоріи и исторіи Русской словесности, замѣчу о необходимости хорошей христоматіи. Христоматій у насъ не мало, есть и замѣчательныя по ловкости выбора статей сообразно съ видами составителей,—и нѣтъ, сколько знаю, ни одной безотносительно удовлетворительной, знакомящей не съ тѣмъ только, что понравилось составителю въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругѣ, имъ избранномъ, а со всѣмъ или хоть со значительною частью того, что стоитъ вниманія. Тому, что мнѣ представляется въ этомъ отношеніи нужнымъ, есть образецъ въ Англійской литературѣ: это Cyclopaedia of Engish literature P. Чемберса. Есть собранія въ такомъ родѣ и въ Нѣмецкой литературѣ. Есть прекрасный «Выборъ» и изъ литературы Чешской. Такого рода выборъ изъ произведеній Русской словесности, съ самаго давняго времени до послѣдняго новаго, возможно полный, составленный безъ всякихъ

пристрастій — съ одною только предвзятою мыслію: дать книгу Русской словесности Русской семьѣ (при этомъ условіи будетъ онъ годенъ и всякому училищу), мнѣ кажется необходимъ, какъ важное пособіе для изученія Русскаго языка и словесности. Внимательный составитель такого выбора безъ особенныхъ усилій можетъ собрать для него столь обильную и питательную жатву, что никто не будетъ поставленъ въ необходимость питаться непитательнымъ.